

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94(37)

doi: 10.26907/2541-7738.2022.3.112-121

ИСТОРИЯ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ С ПОЗИЦИИ ЦЕННОСТНОГО ПОДХОДА: К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ *MOS MAIORUM*

А.О. Кудратов

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье проанализирован один из вариантов теоретического осмысления сущности римской гражданской этики, которая являлась постоянным элементом политической борьбы в Римской республике. Это находит отражение и в историографии – исследователями единодушно подчеркивается значимость добродетелей (*virtutes*) в римской политической культуре. На основе анализа историографии показано, что добродетели, будучи ключевыми понятиями при ответе на ряд вопросов, связанных с представлениями римлян, традиционно изучаются с опорой на филологические методы. Отмечено, что использование лишь указанного инструментария является недостаточным в связи с несопадением римской действительности и политической риторики, в контексте которой и обнаруживаются добродетели. Выявлена разница в подходах к изучению связанных с темой понятий в отечественной и зарубежной историографии. Отмечен потенциал использования ценностного подхода в изучении римской истории, критически рассмотрены предпринятые ранее попытки его реализации. В качестве развития существующих наработок предложено уточнение понятия «ценность» и определение его сущности в рамках римского политического контекста.

Ключевые слова: Римская республика, ценностный подход, римская гражданская этика, *virtus*, *mos maiorum*

Ценностный подход в исторической науке сам по себе достаточно универсален, и в его применении к изучению римской истории нет ничего удивительного¹. Однако для нас интерес представляет непосредственно тот факт, что в политической культуре Римской республики важную роль играла гражданская этика, выражавшаяся самими римлянами в понятиях *mos maiorum* (нравы предков) и *virtutes* (добродетели). Значимость гражданской этики проявлялась в той особой роли, какую играло обращение к риторике добродетелей и пороков в публичных политических и судебных процессах. Анализ и актуализация отдельных аспектов этой темы неоднократно становились предметом внимания исследователей².

¹ «Выделяются два типа ценностного подхода в изучении истории: 1) исследование мыслей и действий людей прошлого с позиций ценностей их времени. Этот тип можно условно назвать историко-аксиологическим; 2) собственно Ц. п. в и. и., в рамках которого реализуется познание истории с позиции современных социальных ценностей» [1, с. 528].

² Историографический обзор, а также перечень работ о *mos maiorum* и римской *virtus* в связи с военной историей даны в статье А.В. Махлаюка [2]

В зарубежной историографии указанные категории рассматриваются главным образом через те функции и роли, которые они выполняли в римской политической практике. Р. Альстон обращает внимание на специфику последней, которая, по его мнению, не улавливается современной политической мыслью. Дело в том, что причины социальных волнений современные исследователи ищут непосредственно в социуме, в какой-либо социальной группе. Для римлян же, как подмечает автор, любая подобная проблема была инициирована падением морали, нарушением социальной дисциплины [3, р. 54].

К. Эдвардс, которая выделяет отношения власти и морали в Риме как одну из главных тем своей работы, утверждает, что дискурсы морали в Риме были глубоко укоренены в структуре власти, и поясняет: «Нападки на безнравственность использовались римской элитой для того, чтобы контролировать своих же представителей и оправдывать собственное привилегированное положение»³ [4, р. 4].

Кроме того, добродетели рассматривались в числе прочего как вариант социального капитала [5, р. 110] или как элемент политической борьбы в виде «соревнования в доблести» [6, р. 58–59].

Подтверждение тому, что римская политическая практика была пронизана отсылками к морали, можно увидеть даже на примере размышлений о причинах гражданских войн. Т. Вайсман показывает, что в каждой из двух существовавших в Античности традиций объяснения причин гражданских войн присутствует отсылка к морали (см. [7, р. 41–42]).

Отдельно отметим трактовку названных понятий с точки зрения их утилитарной значимости, выраженную позицией Р. Сайма. В политической практике, по утверждению историка, «сторонники перемен зывали не к реформам или прогрессу, не к абстрактному праву и абстрактной справедливости, а к чему-то, что называется *mos maiorum*» [8, р. 153].

Особое внимание привлекает тот акцент, который зарубежные исследователи делают на раскрытии значимости обращения к римской гражданской этике в политической риторике. Кроме того, предложенный здесь историографический обзор позволяет отметить условно принимаемое разделение двух уровней римской действительности: конкретных событий и их риторического обрамления, которое часто оформлялось в этических понятиях. Осмысление политических явлений с позиции гражданской этики, то есть в категориях добродетели и порочности, было важным политическим инструментом. Тем или иным действиям давалась в политической риторике положительная или отрицательная характеристика исходя из политической необходимости – в зависимости от политических интересов говорящего. Поэтому было бы упущением трактовать римские представления о добродетели или порочности, следуя за источником, из чего проистекает необходимость дополнительной верификации смыслов тех или иных терминов римской гражданской этики.

Указанная двойственность, во-первых, позволяет обнаружить проблемы, представляющие научный интерес в связи с возможностью рассмотрения собственно римского объяснения и рефлексии по поводу тех или иных событий. Во-вторых, возникает вопрос о том, как и насколько этические элементы оказывали

³ Перевод с английского здесь и далее наш. – А.К.

влияние на политические процессы в Республике. Наконец, отметим и задачу подбора «инструментария», подходящего для работы с таким специфическим предметом, – методологии и конкретных методов.

По отношению к последнему из обозначенных выше пунктов особую значимость имеет вопрос о сущности римских добродетелей. Поиску ответа на него в рамках отечественной историографии уделялось особое внимание – каждый исследователь стремился дать собственную дефиницию (см. [9–13]). Отдельно стоит отметить вклад С.Л. Утченко, который также пытался определить сущность составляющих римской этики и значительно продвинулся в решении этой проблемы, на что обращает внимание Н.В. Чеканова, утверждая, что «вопрос о составляющих *mos maiorum*, их ценностной иерархии и влиянии на общинные стереотипы поведения наиболее четко был разработан С.Л. Утченко» [14, с. 138].

В своих работах, раскрывающих данную тему (см. [15–16]), советский антиковед детально изучил значения добродетелей, отразил историю их развития, что получило выражение в анализе интерпретаций добродетелей римскими авторами, принадлежавшими к разным эпохам римской истории. С.Л. Утченко находит в текстах источников параллели, указывая на их смысловое сходство даже тогда, когда античные авторы используют разные термины. Но главная заслуга исследователя заключается в разработке теоретической базы для включения римских доблестей в проблемное поле.

С точки зрения методологии исторической науки общим местом является тот факт, что любое используемое понятие корректируется в соответствии с социокультурным контекстом изучаемой эпохи и исследовательскими задачами⁴. С.Л. Утченко рассматривает понятия *mos maiorum* и *virtus* не просто в качестве морали нобилитета, но как некие «культурные коды», базис культуры. Заслуга историка заключается в осмыслении составляющих римской этики на ином теоретическом уровне – с точки зрения ценностного подхода. Он оперирует понятием «ценность», предлагая тем самым не только свой вариант терминологии, но и принципиально новый подход к рассмотрению данной проблемы, который позволил некоторым образом систематизировать римские добродетели, увидеть в них больше чем просто «этические стереотипы». Ученый выделяет четыре варианта римской системы ценностей, исследование которых осуществляет в хронологическом плане.

Из представленных автором результатов анализа можно сделать вывод о постоянной эволюции «набора добродетелей». Так, Сципионовы надписи содержат набор древнейших римских *virtutes* – рудиментарную и фрагментарную картину полисной морали. С Катонем связано возникновение антагонистических оппозиций, что, по мнению исследователя, свидетельствует о кризисе полисной системы ценностей. По мнению Саллюстия, «гнусные новшества» не столько занесены извне, сколько развиваются внутри самого римского общества. Всё это сопряжено с резким снижением набора *virtutes* в количественном отношении [15].

Доблести, представленные в трактате Цицерона «О государстве», стали предметом анализа Дж. Пауэлла. Исследователь выделяет и объясняет добродетели из трактата с опорой на структуру произведения. Список добродетелей,

⁴ См. всесторонний разбор данного вопроса в [17], где он освещается в связи с рассуждением об антропологическом подходе к изучению истории Древнего Рима.

которые повторяются из одной части трактата в другую, выглядит следующим образом: *temperantia, iustitia, fortitudo, sapientia, prudens, moderatio = temperantia* (см. [18, р. 38–39]). Интересно в данном случае то, что в трактате Цицерона «Об обязанностях» четыре главные добродетели (Cic. De Off. 15) не совпадают с теми, какие представлены в трактате «О государстве».

Даже ключевые доблести, встречающиеся в римском политическом контексте, вызывают вопросы. Такая доблесть, как *clementia Caesaris*, появляется и популяризируется в политической риторике, фактически придуманная Цицероном, когда возникает необходимость. С. Вайнсток утверждает, что политика Цезаря была чем-то беспрецедентным, а потому нуждалась в новом термине [19, р. 236–237]. Иначе говоря, новый термин (не имеющий прямых аналогов в греческом языке) стал распространенным благодаря Цицерону (см. [20, р. 226]). В то же время крайне значимая для римлян ценность свободы в отмеченных выше трактатах Цицерона не находит своего места.

Ко всему прочему в историографии становятся очевидными изменения в трактовках идеологии аристократии. Если начиная с 90-х годов XX в. внимание уделялось противоречиям и идеологическому расколу, то в последнее время исследователи утверждают идею о существовании консенсуса касательно базовых ценностей [21, с. 205–206]. Одним словом, в отношении «набора добродетелей» пока не выработалось единства мнений.

Сложности возникают и там, где намечается попытка сопоставить смыслы добродетелей с реальной историей республиканского Рима. Анализ добродетелей не позволяет выйти за рамки политической риторики, так как последняя не соответствовала действительности и зачастую оказывалось, что поступки римлян не совпадали с заявленными принципами. Лексические оппозиции «доблести – пороки», например, использовались в судах как способ защиты и обвинения (так называемые *Probabile ex vita*). По большому счету, в судах указанного периода доказывалась не вина или невиновность подсудимого, а порочность или добродетельность его жизни. Обращение к добродетелям было также и политической практикой. В распоряжении исследователей имеются однозначные реплики Цицерона по поводу того, какое значение он сам придает влиянию нравственного облика на возможность совершения преступлений: «Во всех сколько-нибудь важных и значительных делах, судьи, желая, помысли, поступки каждого человека следует оценивать не на основании предъявленного ему обвинения, а соответственно нравам того, кто обвиняется. Ведь никто из нас не может вдруг себя переделать; ничей образ жизни не может внезапно измениться, а характер исправиться» (Cic. Pro Sulla, 69). В другом случае оратор говорит: «В деле не будет допущено ни ошибки, ни неясности, если вы, судьи, будете прислушиваться к голосу жизни на всем ее протяжении – к тому голосу, который должен быть признан самым правдивым и самым убедительным» (Cic. Pro Sulla, 78). Для Цицерона причинно-следственная связь «моральный облик определяет поступки» является незыблемой, а другие факторы ставятся от нее в зависимость. Реальный мотив обычно берется в расчет как элемент второстепенный. И, конечно, моральный облик гражданина определялся в соотношении с римскими гражданскими ценностями. Это означало, что доказать невиновность значило показать соответствие поведения и действий римлянина гражданским ценностям, и наоборот.

Кстати приходится косвенное указание С.Л. Утченко на необходимость разграничивать политическую риторику и историческую действительность в Древнем Риме: «Соответствовало ли официальное название режима Августа его внутреннему содержанию? Конечно, нет! Это великолепно понимал сам Август, это понимали или, во всяком случае, могли понимать его современники и подданные, но это уже не имело решающего значения» [22, с. 267].

Таким образом, использование понятий доблестей в римском политико-правовом контексте вовсе не обязательно означало, что они на деле являлись ценностями и в качестве таковых разделялись участниками описываемых в источниках событий.

Складывается странная с позиции логики ситуация: то, что в историографии названо системой ценностей, которая рассматривается как синоним картины мира, на римской почве никак не объясняет поступков, потому как зачастую не соотносится с действиями. И оправдание такого противоречия простым указанием на кризис, из-за которого действительность и провозглашаемые идеалы вдруг перестали совпадать, было бы сильным и недопустимым упрощением. Выше уже приводилась трактовка понятия *mos maiorum* Р. Сайма. Здесь же уместно процитировать его объяснение того, как данное понятие использовалось в политической практике: «Это был не свод конституционных законов, а расплывчатая и эмоциональная концепция. Поэтому она была предметом пристрастного толкования, споров и мошенничества: решающим мог стать практически любой аргумент, апеллирующий к обычаям и традициям» [8, р. 153]. Именно классическая работа Р. Сайма постулирует подход к анализу римских добродетелей с позиции «подозрения»: историк указывает на несоответствие провозглашаемых идеалов и римской действительности.

Таким образом, можно утверждать, что в историографии была заявлена попытка рассмотрения римской гражданской этики через призму ценностного подхода. Исторические аспекты реконструированы историками в подробностях, а постановка проблемы римских ценностей выглядит актуальной и на сегодняшний день. Однако методологический и методический подходы к решению заявленной проблемы вызывают вопросы.

Так, в реконструкции С.Л. Утченко не дается конкретного разъяснения сущности крайне широкого и сильно нагруженного смыслами понятия «ценность». В результате из поля зрения выпадает, например, вопрос о том, являются ли ценности лишь этическим ориентиром, неким идеалом, к которому необходимо стремиться, или же они действительно совпадают с исторической действительностью и поэтому являлись квинтэссенцией римской культуры. Данный вопрос отнюдь не праздный, поскольку в первом случае предмет должен рассматриваться как часть гражданской этики, а во втором – в аксиологической перспективе. Для каждого из представленных вариантов требуется отдельное методологическое обоснование.

С.Л. Утченко в теоретической части статьи «Две шкалы римской системы ценностей» говорит о ценностях, подразумевая под ними основания культуры, но в практической части, интерпретируя источник, анализирует добродетели [15]. Почему римские ценности отождествляются с добродетелями, является ли это спецификой римской культуры, какое между понятиями соотношение, никак

автором не оговаривается. Таким образом, для исследователя предельными понятиями римской культуры оказываются добродетели. Однако такой тезис не является очевидным и нуждается в аргументации, которая, увы, отсутствует. Кроме того, сложно сказать, насколько даже идеально реконструированный перечень добродетелей отражал бы римскую историческую действительность. Поэтому представляется продуктивным если не полностью заменить, то, как минимум, дополнить существующие в историографии попытки выявления «перечня» добродетелей. Метод, являющийся в историографии анализируемой темы магистральным, не способен всецело задействовать потенциал ценностного подхода, который в своем предельном выражении обещает ни много ни мало раскрыть основания римской культуры. В названной статье был обозначен целый ряд теоретико-методологических проблем. Их решение вызывает вопросы, главный из которых заключается в том, что в историографии изучение понятия *mos maiorum* традиционно идет по пути уточнения и разъяснения терминов добродетелей⁵. Выяснилось, что дать ответ на этот вопрос с применением подобного метода не представляется возможным. В поддержку данного утверждения было приведено некоторое количество аргументов, среди которых особо отметим два.

1. Представленный выше комментарий С.Л. Утченко о том, что восстановить полный перечень *virtutes* не представляется возможным [15, с. 21]. Этот тезис подразумевает фрагментарность реконструкции римской системы ценностей методом анализа перечня добродетелей, что подтверждается в числе прочего сравнением результатов реконструкций терминов, обозначающих римские гражданские добродетели.

2. Отсутствие возможности понять суть *mos maiorum*, реконструировать основу римской политической культуры через уточнение перечня доблестей, которые, по утверждению Р. Сайма, можно назвать не доблестями в полном смысле слова, а, скорее, лишь ярлыками политической лояльности: «Чтобы установить согласие между гражданами, заключались самые нечестные политические соглашения и совершались самые гнусные предательства; а желание служить общественному благу поддерживалось исповеданием частных добродетелей, если их так можно назвать, которые были связаны не столько с этическими качествами, сколько со стандартами порядка в обществе или ярлыками политической лояльности» [8, р. 156–157].

Из вышесказанного следует, что вопрос о римских ценностях в историографии был заявлен, однако, остался нерешенным. В этой связи представляется важным разграничивать в рамках исследований по истории Римской республики понятия «добродетель» и «ценность». Если сущность римского понимания добродетели как составной части *mos maiorum* не вызывает вопросов, то тем не менее остается необходимость определения понятия «ценность» для римского контекста. Усложняет решение задачи большое количество коннотаций, среди которых и аксиологические смыслы, являющиеся в данном конкретном случае излишними. Приемлемую альтернативу предложил В.К. Шохин. В его работе указывается на широкое распространение термина «ценность», поэтому, для того чтобы

⁵ Набор добродетелей не может раскрыть суть этики. Гораздо важнее, что о возможности редукции свидетельствуют античные источники. Подобная логика наблюдается, например, у Аристотеля, когда в «Большой этике» он говорит, что нравственно прекрасный человек обладает всеми добродетелями сразу (Arist. Mag. Mor. II. 9).

исключить наложение смыслов, предлагается под экономическими, экологическими, политическими, социокультурными и прочими ценностями понимать более социологически нагруженное слово «приоритеты» [23, с. 12].

Ценность в таком понимании – в качестве некоего социокультурного приоритета – становится категорией, которой просто оперировать при изучении римской социальной действительности, избегая при этом ненужных коннотаций. Такое наполнение понятия, с одной стороны, позволяет избежать мнимого тождества между римскими добродетелями и гражданскими ценностями, а с другой – делает возможным анализ политической риторики римлян с позиции их собственных ценностей. Таким образом, ценностный подход при правильном использовании предоставляет возможность преодоления обозначенного в начале статьи противоречия между римской политической риторикой и реальной политикой. Особо подчеркнем, что выявление подобных приоритетов – всегда интерпретация исследователя, а нахождение некой «системы римских ценностей»⁶ может стать предметом отдельной дискуссии. В данном же случае отметим очевидное: главным приоритетом – ценностью – в рамках римской политической риторики являлась Республика и смежные с ней категории, такие как «свобода», «закон», «предки».

Таким образом, в настоящей работе была показана значимость римских гражданских добродетелей для политической практики, отражены существующие подходы к их изучению. Было обнаружено, что ценностный подход, имея особую важность вследствие специфики римской политической практики, не был применен в полной мере из-за недостатка концептуализации, который приводил к попыткам решить проблему методом определения смыслов добродетелей. Показана недостаточность для решения научных задач работы по уточнению смыслов терминов добродетелей и предложен альтернативный вариант решения проблемы, вытекающий из нового определения понятия «ценность», опирающегося на контекст истории Римской республики.

Источники

- Cic. – *Цицерон*. Речи: в 2 т. / Пер. В.О. Горенштейна. – М.: Наука, 1962. – Т. 2. – 400 с.
- Cic. De off. – *Цицерон*. Об обязанностях // Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях / Пер., ст. и прим. В.О. Горенштейна. – М.: Наука, 1993. – С. 58–156.
- Arist. – *Аристотель*. Сочинения в четырех томах / Пер. и ред. А.И. Доватура. – М.: Мысль, 1983. – Т. 4. – 830 с. (Философское наследие)

Литература

1. Ценностный подход в историческом исследовании // Теория и методология исторической науки: Терминолог. словарь / Отв. ред. А.О. Чубарьян. – М.: Аквилон, 2014. – С. 528–530.
2. Махлаюк А.В. Духи предков, доблесть и дисциплина: социокультурные и идеологические аспекты античной военной истории в новейшей историографии // Вестн. древн. истории. – 2010. – № 3. – С. 141–161.

⁶ Термин применительно к истории Римской республики используется С.Л. Утченко (см. [15, 16]).

3. *Alston R.* Rome's Revolution: Death of the Republic and Birth of the Empire. – N. Y.: Oxford Univ. Press, 2015. – xx, 385 p.
4. *Edwards C.* The Politics of Immorality in Ancient Rome. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1993. – 229 p.
5. *Mattingly H.* The Roman "virtues" // Harv. Theol. Rev. – 1937. – V. 30, No 2. – P. 103–117. – doi: 10.1017/S0017816000022173.
6. *Connolly J.* The State of Speech. Rhetoric and Political Thought in Ancient Rome. – Princeton: Princeton Univ. Press, 2007. – 304 p.
7. *Wiseman T.P.* The two-headed state: How Romans explained civil war // Citizens of Discord: Rome and Its Civil Wars / Ed. by B.W. Breed, C. Damon, A. Rossi. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2010. – P. 25–45.
8. *Syme R.* The Roman Revolution. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2002. – 592 p.
9. *Дементьева В.В.* Римская идентичность: формирование традиций гражданского коллектива // Античный мир и археология: Межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Науч. кн., 2009. – Вып. 13. – С. 203–213.
10. *Егоров А.Б.* Античная демократия и римская политическая система (античные и современные политические теории) // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. – № 13. – С. 207–226.
11. *Кнабе Г.С.* Корнелий Тацит. Время. Жизнь. Книги. – М.: Наука, 1981. – 208 с.
12. *Немировский А.И.* Идеология и культура раннего Рима. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1964. – 208 с.
13. *Штаерман Е.М.* От гражданина к подданному // Штаерман Е.М. Культура древнего Рима: в 2 т. – М.: Наука, 1985. – Т. 1. – С. 22–106.
14. *Чеканова Н.В.* Римская диктатура последнего века Республики. – СПб.: Гуманит. акад., 2005. – 480 с.
15. *Утченко С.Л.* Две шкалы римской системы ценностей // Вестн. древн. истории. – 1972. – № 4. – С. 19–34.
16. *Утченко С.Л.* Ещё раз о римской системе ценностей // Вестн. древн. истории. – 1973. – № 4. – С. 30–48.
17. *Махлаюк А.В.* Идеи и подходы исторической антропологии в изучении римской армии // Древнее Средиземноморье: религия, общество, культура / Под ред. О.П. Смирновой, А.Л. Смышляева. – М.: ИВИ РАН, 2005. – С. 83–113.
18. *Powell J. G.F.* Cicero's De re publica and the Virtues of the Statesman // Cicero's Practical Philosophy / Ed. by W. Nicgorski. – Notre Dame: Univ. of Notre Dame Press, 2012. – P. 14–42.
19. *Weinstock S.* Divus Julius. – Oxford: Clarendon Press, 1971. – xix, 469 p.
20. *Toher M.* Augustan and Tiberian literature // A Companion to Julius Caesar / Ed. by M. Griffin. – Chichester; Malden: Wiley–Blackwell, 2009. – P. 224–239. – doi: 10.1002/9781444308440.ch16.
21. *Любимова О.В.* Понятие «популярны» в современной историографии // Вестн. древн. истории. – 2015. – № 1 – С. 190–207.
22. *Утченко С.Л.* Кризис и падение Римской республики. – М.: Наука, 1965. – 288 с.
23. *Шохин В.К.* Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль. – М.: Изд-во РУДН, 2006. – 457 с.

Кудратов Алик Олегович, ассистент кафедры археологии и всеобщей истории

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия

E-mail: alik.kudratov@gmail.com

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI

(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2022, vol. 164, no. 3, pp. 112–121

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2022.3.112-121

**The History of the Roman Republic According to the Axiological Approach:
On the Problem of the *mos maiorum* Essence**

A.O. Kudratov

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: alik.kudratov@gmail.com

Received February 25, 2022

Abstract

This article analyzes one way to make a theoretical sense of the essence of the Roman civic ethics, a constant element of the political struggle in the Roman Republic. Notably, the axiological approach, which is an important methodological tool due to the specifics of the Roman political practice, has not been used in historiography to its fullest potential due to lack of conceptualization. This is reflected in historiographical studies: most researchers unanimously emphasize the essential role of the Roman virtues (*virtutes*) in the Roman political culture. The analysis of the historiographical works showed that philological methods are traditionally used to study the Roman virtues, which serve as a key to answering numerous questions related to the ideas of the Romans. The results obtained revealed that these tools are not sufficient themselves due to the discrepancy between the Roman reality and political rhetoric, in the context of which the virtues are identified. Differences were found between Russian and foreign historiography in the approaches to the analysis of the concepts related to the one under consideration here. The vast potential of using the axiological approach to study the Roman history was outlined. Earlier attempts to get the most of it were critically assessed. To advance the achievements that have been made, the concept of value was clarified and defined in terms of the Roman political context.

Keywords: Roman Republic, axiological approach, Roman civic ethics, *virtus*, *mos maiorum*

References

1. Axiological approach in historical research. In: Chubar'yan A.O. (Ed.) *Teoriya i metodologiya istoricheskoi nauki. Terminologicheskii slovar'* [Theory and Methodology of Historical Science: Terminological Dictionary]. Moscow, Akvilon, 2014, pp. 528–530. (In Russian)
2. Makhlayuk A.V. Ancestors' spirits, virtue, and discipline: Socio-cultural and ideological aspects of ancient military history in modern historiography. *Vestnik Drevnei Istorii*, 2010, no. 3, pp. 141–161. (In Russian)
3. Alston R. *Rome's Revolution: Death of the Republic and Birth of the Empire*. New York, Oxford Univ. Press, 2015. xx, 385 p.
4. Edwards C. *The Politics of Immorality in Ancient Rome*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1993. 229 p.
5. Mattingly H. The Roman "virtues". *Harvard Theological Review*, 1937, vol. 30, no. 2, pp. 103–117. doi: 10.1017/S0017816000022173.
6. Connolly J. *The State of Speech. Rhetoric and Political Thought in Ancient Rome*. Princeton, Princeton Univ. Press, 2007. 304 p.

7. Wiseman T.P. The two-headed state: How Romans explained civil war. In: Breed B.W., Damon C., Rossi A. (Eds.) *Citizens of Discord: Rome and Its Civil Wars*. New York, Oxford Univ. Press, 2010, pp. 25–45.
8. Syme R. *The Roman Revolution*. Oxford, Oxford Univ. Press, 2002. 592 p.
9. Dement'eva V.V. Roman identity: Development of traditions typical of a civil community. In: *Antichnyi mir i arkhologiiya* [Ancient World and Archeology]. Saratov, Nauchn. Kn., 2009, no. 13, pp. 203–213. (In Russian)
10. Egorov A.B. Ancient democracy and the Roman political system (ancient and modern political theory). *Mnemon: Issledovaniya i Publikatsii po Istorii Antichnogo Mira*, 2013, no. 13, pp. 207–226. (In Russian)
11. Knabe G.S. *Kornelii Tatsit. Vremya. Zhizn'. Knigi* [Cornelius Tacitus. Time. Life. Books]. Moscow, Nauka, 1981. 208 p. (In Russian)
12. Nemirovskii A.I. *Ideologiya i kul'tura rannego Rima* [Ideology and Culture of Early Rome]. Voronezh, Izd. Voronezh. Univ., 1964. 208 p. (In Russian)
13. Shtaerman E.M. From a citizen to a subject. In: Shtaerman E.M. *Kul'tura drevnego Rima* [The Culture of Ancient Rome]. Vol. 1. Moscow, Nauka, 1985, pp. 22–106. (In Russian)
14. Chekanova N.V. *Rimskaya diktatura poslednego veka Respubliki* [The Roman Dictatorship during the Last Century of the Republic]. St. Petersburg, Gumanit. Akad., 2005. 480 p. (In Russian)
15. Utchenko S.L. Two scales in the Roman system of values. *Vestnik Drevnei Istorii*, 1972, no. 4, pp. 19–34. (In Russian)
16. Utchenko S.L. Once again about the Roman system of values. *Vestnik Drevnei Istorii*, 1973, no. 4, pp. 30–48. (In Russian)
17. Makhlayuk A.V. Ideas and approaches of historical anthropology to studying the Roman Army. In: Smirnova O.P., Smyshlyaev A.L. (Eds.) *Drevnee Sredizemnomor'e: religiya, obshchestvo, kul'tura* [The Ancient Mediterranean: Religion, Society, and Culture]. Moscow, IVI Ross. Akad. Nauk, 2005, pp. 83–113. (In Russian)
18. Powell J. G.F. Cicero's De re publica and the virtues of the statesman. In: Nicgorski W. (Ed.) *Cicero's Practical Philosophy*. Notre Dame, Univ. of Notre Dame Press, 2012, pp. 14–42.
19. Weinstock S. *Divus Julius*. Oxford, Clarendon Press, 1971. 414 p.
20. Toher M. Augustan and Tiberian literature. In: Griffin M. *A Companion to Julius Caesar*. Malden, Wiley-Blackwell, 2009, pp. 224–239. doi: 10.1002/9781444308440.ch16.
21. Lubimova O.V. The term populares in modern historiography. *Vestnik Drevnei Istorii*, 2015, no. 1, pp. 190–207. (In Russian)
22. Utchenko S.L. *Krisis i padenie Rimskoi Respubliki* [The Crisis and Fall of the Roman Republic]. Moscow, Nauka, 1965. 288 p. (In Russian)
23. Shokhin V.K. *Filosofiya tsennosti i rannyaya aksiologicheskaya mysl'* [Philosophy of Values and Early Axiological Thought]. Moscow, Izd. RUDN, 2006. 457 p. (In Russian)

Для цитирования: Кудратов А.О. История Римской республики с позиции ценностного подхода: к вопросу о сущности *mos maiorum* // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2022. – Т. 164, кн. 3. – С. 112–121. – doi: 10.26907/2541-7738.2022.3.112-121.

For citation: Kudratov A.O. The history of the Roman Republic according to the axiological approach: On the problem of the *mos maiorum* essence. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2022, vol. 164, no. 3, pp. 112–121. doi: 10.26907/2541-7738.2022.3.112-121. (In Russian)